

9. Шульман М. Ю. Газданов и Набоков // Возвращение Гайто Газданова: Материалы конф., посв. 95-летию со дня рожд. – М., 2000.

Анотація

Шмирова Валерія Геннадіївна. Принципи побудови художнього світу в романі Гайто Газданова «Вечір у Клер» (1930).

В статті здійснено аналіз роману Гайто Газданова «Вечір у Клер», знайдено основні принципи побудови художнього світу твору, надано їх інтерпретацію з точки зору екзистенціального світогляду письменника.

Ключові слова: Газданов, молодші емігранти, екзистенціалізм, художній світ.

Summary

Shmyrova Valeria Gennadievna. Laws of the Art World Creation in the Novel “An Evening at Clare” by Gaito Gazdanov (1930).

The article contains an analysis of the novel “An Evening at Clare” by Gaito Gazdanov. The main laws of the art world creation are retraced; their interpretation from the point of view of Gazdanov’s existential vision is given.

Key words: Gazdanov, younger emigrants, existentialism, art world.

Статья поступила в редакцию 2.10.2013.

УДК 821.161.1-1 Бродский

Н. П. ДИДЕНКО

(Киевский национальный университет
имени Тараса Шевченко)

E-mail: nelechka_shilova@mail.ru

**ЯЛТИНСКАЯ МИФОПОЭТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ
В ТВОРЧЕСТВЕ ИОСИФА БРОДСКОГО**

Аннотация

Диденко Н. П. Ялтинская мифопоэтическая традиция в творчестве Иосифа Бродского

Статья посвящена изучению ялтинского городского текста в поэзии Иосифа Бродского. Рассматривается его интерпретация городского мифа, а также её связь с ялтинской мифопоэтической традицией первой трети XX века.

Ключевые слова: городской текст, крымский текст, ялтинский текст.

Проблема «городского текста» остро поставлена и достаточно хорошо освещена теоретически в современной науке – настолько хорошо, что успела сформировать одну из ярчайших традиций в русистике. Исследование городского текста началось в начале XX в. с разработки более локального понятия – «петербургского текста». Пионерами в этой области стали З. Г. Минц, Ю. М. Лотман, В. Н. Топоров, Л. А. Колобаева, Е. Григорьева, Е. М. Таборисская и др.

Опираясь на разработанную В. Н. Топоровым концепцию «петербургского текста», ученые приступили к осмыслению других локальных разновидностей городского, шире – национального, текста и мифа. Так были выделены и содержательно исследованы московский, готический и итальянский тексты русской культуры, и намечены перспективы изучения ряда «провинциальных» русских текстов и мифов.

Однако, не каждый «провинциальный» текст русской культуры может похвастать тем уровнем локализации, которого достиг А. П. Люсый в изучении крымского текста, не говоря уж о ещё более локальных уровнях. Таким образом, цель настоящей работы – ввести в литературоведческий обиход понятие «ялтинский городской текст», продолжая «вглубь», детализируя и полемически интерпретируя исследование, начатое А. П. Люсым. Следует отметить, что при отсутствии этого понятия в теоретическом обиходе, существует большое количество собранного художественного материала. Разрыв между явлением и его научной рецепцией и представляется необходимым устранить.

В творчестве поэтов первой половины XX в. Ялта предстаёт как пространство с чрезвычайно высокой степенью мифологизированности. Об этом, в первую очередь, свидетельствуют устойчивые совпадения во временной организации художественных миров разных стихотворений. Главная временная характеристика ялтинского пространства – это способность возвращать в прошлое, которое описано как время юности лирического героя и юности мира вокруг него, как время расцвета и творчества его кумиров у Цветаевой и Маршака, и откровенно мифическое время у Мандельштама. Постоянное возвращение в этот «золотой век» организует время в ялтинском пространстве циклическим образом, превращая художественный мир в авторский миф со всем вытекающим из этого образным наполнением. Так реализуется устойчивый для Тавриды

мотив Сада. Однако, Ялта может в любой момент измениться: благополучный миф в ней может рухнуть, как это показано у Маяковского, и сильнее – у Набокова и Вагинова. Это делает Ялту мифологически амбивалентной. Если вспомнить, что географически она расположена на горах и у моря одновременно, вырисовывается картина её противоречивой концентричности и эксцентричности, выражаясь в терминах Ю. Лотмана. Ялта – это рай цветущий и рай разорённый одновременно.

Поэма И. Бродского «Посвящается Ялте» значительно отличается от произведений начала века тональностью и антуражем. Для поэтов, сформировавшихся как художники во времена Серебряного века, Крым ещё оставался Садам; для поэтов следующего поколения он уже был Курортом. Тем не менее, дистанцировавшись от нарочитой приземлённости в инструментировке текста, легко заметить, что тематика и проблематика написанного в Ялте изменилась мало: речь в произведениях по-прежнему идёт о любви и смерти.

Сюжет поэмы выдержан в детективном духе: убит человек, и подозрение падает на тех лиц, которые состояли в романтических отношениях с его возлюбленной. Следователь опрашивает её саму, её бывшего партнёра, её теперешнего спутника жизни и его сына-подростка. В ходе допроса следователь попадает под чары героини, и их разговор завершается любовным союзом. Героиня, красавица и артистка, предстаёт очень привлекательной в своей неверности; создаётся впечатление, что перед ней невозможно устоять. Это очередная «роковая женщина» русской литературы; кто бы ни совершил убийство, причина этому, очевидно, ревность. Однако, автор представляет дело так, будто её бывшего возлюбленного убил сын её теперешнего избранника, а причиной был пустяк – отказ угостить папиросой. Бродский, казалось бы, в открытую декларирует постмодернистскую доктрину «всё не то, чем кажется», заставляя читателя интерпретировать её в том духе, что следователь ошибся, пойдя на поводу у логики, но теперь-то правда известна. Однако мифологическая интерпретация сюжета легко обнаруживает в нём двойное дно. Очевидно, что героиня воплощает в себе неизменное женское мифологическое начало, в то время как мужское начало, непостоянное и изменчивое, раздроблено на нескольких персонажей, каждый из которых соединяется с ней. Более того, в поэме в неявном виде присутствует сюжет об Эдипе, с

той лишь разницей, что представитель нового мужского поколения убивает не своего отца, а другого возлюбленного героини, и она ему не мать, а мачеха. Впрочем, автор даёт подсказку, как именно следует интерпретировать семейные отношения, поскольку героиня говорит об убитом, что «как будто сын был у него – но где? / А впрочем, нет, я путаю: ребенок / у капитана», допуская на мгновение, что убийца приходился сыном убитому. Показательно, что он «вылитый отец» – согласно мифологической модели, это один и тот же мужчина, но вновь переродившийся. «Доказанная правда / есть, собственно, не правда, а всего / лишь сумма доказательств», – так автор намекает на неоднозначность интерпретации поэмы, но тут же предлагает читателю преувеличенно лёгкий ответ, от которого тот, по логике постмодернистского прочтения, должен отказаться. Безусловно, смелость этой постмодерно-мифологической конструкции связана с тем, что автор находится в Ялте, в зоне повышенной мифологизованности.

Остаётся выяснить, зачем поэт использует выявленную модель, и каким ему представляется современный ему миропорядок. Уже в самом начале автор ставит проблему состояния теперешнего мира: «К сожалению, в наши дни / не только ложь, но и простая правда / нуждается в солидных подтвержденьях / и доводах. Не есть ли это знак, / что мы вступаем в совершенно новый, / но грустный мир?», – так описывает он эпоху, вынуждающую художника-постмодерниста отречься от уверенности в своей способности постичь мир. «В атомный век людей волнует больше / не вещи, а строение вещей», – заключает поэт. После этого в поэме впервые появляется образ «распотрошённой куклы», с которой позднее будет сравниваться вся ситуация следствия. В результате «потрошения» ситуация разъяснена, убийца найден, но скрытый мифологический слой сюжета показывает, что истина так и не была обретена. Это построение представляет собой протест против точного, выхолощенного знания «атомного века», предлагая взамен более исконное, сокровенное знание мифа. Недаром «ребенок, распатронив куклу, / рыдает, обнаружив в ней труху», – детское сознание многими характеристиками подобно мифологическому, и его не может устраивать рациональная истина. Наиболее откровенно автор признаётся в наличии мифологического субстрата в сюжете, когда обещает: «кое-где / прибавлю к правде элемент искусства,

/ которое, в конечном счете, есть / основа всех событий», напрямую соотнося искусство с мифом и окончательно декларируя «атомный век» как «неправильную» эпоху, а свою поэму как «пример / зависимости правды от искусства, / а не искусства – от наличия правды».

Характерно, что убитого героя поэмы, так ни разу и не показанного читателю, автор, по-видимому, делает своим единомышленником в решении вопросов познания. Об этом свидетельствует сделанный им незадолго до смерти в шахматном этюде «какой-то странный, смутный ход. / Почти нелепый. ... / не изменявший ничего, но этим / на нет сводивший самый смысл этюда. / ...этот ход – / он как бы вызывал у тех фигур / сомнение в своем существовании». По-видимому, погибший герой осуществил перед смертью нечто вроде прорыва к мифической сущности мира. О его способности прозревать это сокровенное знание свидетельствует и его возлюбленная, рассказавшая следователю, что в присутствии её избранника «на поверхности вещей / ... вдруг возникало что-то вроде пленки, / вернее – пыли, придававшей им / какое-то бессмысленное сходство. / Ну, вот представьте комнату мою, / засыпанную снегом. ... / Я думала тогда, что это сходство / и есть действительная внешность мира». Огромное значение для ялтинского текста играет тот факт, что силой, способной заставить вещи выглядеть по-настоящему, выступает снег, поскольку он в Ялте – редчайшее явление. Бродский выражает согласие с этим наблюдением в стихотворении «Зимним вечером в Ялте», где отмечает, что «на черноморский брег / зима приходит как бы для забавы: / не в состояньи удержаться снег / на лезвиях и остриях атавы». Ялта – это пространство, которое никогда не покроеется снегом, а значит контуры настоящего мира никогда не проступят.

Мотив вина Бродский интерпретирует несколько вразрез с устоявшейся в крымском мифе традицией. Так, например, несколько раз подчеркнуто, что убитый герой был трезв, а вот в эпизоде сближения героини и следователя вино играет большую роль. Учитывая, что к моменту гибели герой почти расстался с возлюбленной, мотив вина, по-видимому, устойчиво связан с мотивом любви, однако герой, взыскующий прозрения, отвергает оба эти способа, поскольку они больше недействительны в «неправильном» мире. Следует отметить, что и другой герой, капитан, не чужд идеям автора: «само уже движенье губ / существенней, чем правда

и неправда: / в движении губ гораздо больше жизни, / чем в том, что эти губы произносят». Этих персонажей легко расставить на своеобразной шкале между мифом и рациональным знанием. Наиболее интеллектуально развит убитый герой; он оказался в состоянии справиться с тяготением к женщине и вину, он глух к древней, тёмной природе мифа, но от неё же и погибает. Менее склонен к точному знанию капитан, находящийся под действием мифа, но сумевший воспротивиться жажде убийства. Наконец, совершенно во власти мифологического инстинкта находится ребенок ввиду особенностей детского сознания. Это причина совершения им убийства, на первый взгляд бессмысленного, ответ на вопрос: «...убийца – тот, / кто не имеет повода к убийству?! / Да, так оно и вышло в этот раз. / Да-да, вы правы... Но ведь это... это... / Ведь это – апология абсурда! / Апофеоз бессмысленности! Бред! / Выходит, что тогда оно – логично. / Постойте? Объясните мне тогда, / в чем смысл жизни? Неужели в том, / что из кустов выходит мальчик в куртке / и начинает в вас палить?! А если, / а если это так, то почему / мы называем это преступлением?». В рамках постмодерной доктрины поэт признаёт позабытое мифологическое постижение мира самым верным способом его восприятия.

Следует отметить, что Бродский удивительно чувствителен к особенностям мифологического времени Ялты. Так, основная мысль стихотворения «Зимним вечером в Ялте» сформулирована в его последних строках: «Остановись, мгновенье! Ты не столь / прекрасно, сколько ты неповторимо». Помимо того, что Бродский дописывает длинный текст классической литературы, посвящённый ловле «мгновений», он признаёт в этом фрагменте эпикурейскую обстановку города и специфику «мгновенности» времени в нём. Однако, уже в стихотворении «Э. Р.» время циклизуется, что резко противоречит «неповторимости» мгновения: «Второе Рождество на берегу / незамерзающего Понта», после чего время движется дальше после любовной катастрофы, разрушившей «мгновение»: «Грядущее настало, и оно / переносимо». После чего ялтинское пространство окончательно примиряет мгновенное и вечное: «где ты пила свое вино, / спала в саду, просушивала блузку, / – круша столы, грядущему моллюску / готовя дно». Что характерно, эту циклизацию времени, перетекание мгновенного в вечное, и наоборот, поэт воспринимает,

как сковывающий его распорядок, от которого он пытается избавиться в произведении «С видом на море»:

...Приехать к морю в несезон,
помимо матерьяльных выгод,
имеет тот еще резон,
что это – временный, но выход
за скобки года, из ворот
тюрьмы. Посмеиваясь криво,
пусть Время взяток не берет -
Пространство, друг, сребролюбиво!
Орел двугривенника прав,
четыре времени поправ!..

[Бродский 1990, 102]

Вводя мотив денег – совершенно курортный мотив, – поэт пытается изменить мифическое пространство Сада и разрушить мифическое время. На это работает вся образность стихотворения, в котором поэт пытается увязать статус лирического героя – Пророка – с подчёркнуто бытовым антуражем. По-видимому, Бродский совершенно не питает добрых чувств к тёмному, невнятному мифическому началу, заставившему ребёнка совершить убийство в его поэме, и стремится разрушить миф.

Итак, ялтинский миф Бродского – это определённый шаг вперёд по сравнению с исканиями поэтов первой половины века. Он настаивает на мифической природе происходящего в Ялте, но не спешит воспевать этот миф, усматривая в нём враждебное человеку начало. Вместо этого поэт стремится разрушить «тюрьму» мифа, соединив его с реалиями демифологизированного мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Анциферов Н. П.* Душа Петербурга. – СПб., 1991.
2. *Баран Х.* Поэтика русской литературы начала XX века. – М., 1993
3. *Бродский И. А.* Часть Речи. – М., 1990.
4. *Гришанин Н. В.* Текст, символ, миф в семиотическом анализе городской культуры – СПб., 2007.
5. *Легенды Крыма.* – Симферопол., 1961.
6. *Люсый А. П.* Крымский текст в русской литературе. – СПб., 2003

Анотація

Діденко Н. П. Ялтинська міфопоетична традиція у творчості Йосипа Бродського

Стаття присвячена вивченню ялтинського міського тексту в поезії Йосипа Бродського. Розглядається його інтерпретація міського міфу, а також її зв'язок з ялтинською міфопоетичною традицією першої третини XX сторіччя.

Ключові слова: міський текст, міський міф, кримський текст, ялтинський текст.

Summary

Didenko N. P. The Yalta mythopoeic tradition in Iosif Brodsky's works

The article is devoted to the study of the Yalta city text in the poetry of Joseph Brodsky. His interpretation of urban myth and its relationship with Yalta mythopoeic tradition of the first third of the XX century is considered.

Стаття поступила в редакцію 23.10.2013.